

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава двадцать пятая

Всюду жизнь

Дикий майор

Прозвище «Дикий» майор Догадкин получил благодаря мне. Как-то он вызвал меня к себе прорабатывать за очередное нарушение воинской дисциплины. Мои нарушения были однообразны: я не любил строй, предпочитая пробираться в столовую или по утрам в уборную в одиночку. Чаще всего эта операция мне удавалась, но поскольку весь командный состав батальона, начиная со старшины классного отделения ефрейтора Сосика и кончая комбатом подполковником Ковалевым, в основном именно тем и занимались, что вылавливали курсантов, ходящих вне строя, не удивительно, что я постоянно попадался. На мою голову металась громы, молнии и сыпались наряды вне очереди, из которых легчайшим был вымытый пол в «ленинской комнате», а труднейшим – загромоздить на сутки на кухню. И все это – за удовольствие пройти двести метров, хоть и украдкой, но в одиночку.

Догадкин ощущал себя не просто командиром, но воспитателем.

– Ну скажи, ну почему ты нарушаешь воинскую дисциплину? – пытается он проникнуть мне в душу.

Стою, молчу, не знаю, как объяснить. А Догадкин честно пытается докопаться до истины, до корней.

– Скажи мне, ты художественную литературу читаешь?

– Случается, товарищ майор.

– Значит, не конченный еще человек. И что же именно ты читаешь?

– Да так, что придется.

– А все-таки? Ты книгу «Александр Матросов» читал?

– Нет, – мотаю головой.

– А «Повесть о Зое и Шуре»?

– Нет.

– И «Чайку» не читал?

– И «Чайку».

«Чайка» – не комедия Антона Павловича Чехова, как можно было подумать, а биография партизанки Лизы Чайкиной. Вот он где корень несознательного отношения к службе и дисциплине!

– Что же ты тогда читаешь? – спросил майор с сочувствием.

– Сейчас, например, Диккенса читаю.

Догадкин пожимает плечами:

– Ну, что же, иди...

На вечерней поверке майор объяснил слабую дисциплину в роте отсутствием у курсантов интереса к художественной литературе, имеющей воспитательное значение.

– Вот вам, товарищи, наглядный пример. Спросил я у курсанта Войновича, что он читает. Оказывается, про Александра Матросова он не читал. Про Зою Космодемьянскую не читал. Про Лизу Чайкину не читал. И что ж он читает? – Майор выдержал паузу, чтобы курсанты успели представить, до чтения какой пакости докатился один из них. – Он читает, товарищи, какого-то Дикого!

После этого курсанты майора за глаза иначе как «Диким» не называли. Но, как ни странно, его дикость совмещалась с природной добротой и тонкостью чувств.

Трах! Бах! Тра-та-та!

– Рррота-а! С места с песней шагом марш! Рраз-два! Карасев, запевай!

Карасев запевает:

Ка-ак с боями шел в Берлин солдат... Эх! Время песне прозвенеть, прозвенеть... Эх!

Много песен можно спеть подряд... Эх! Можно спеть, да всех не спеть,

да всех не спеть...

Рота подтягивает:

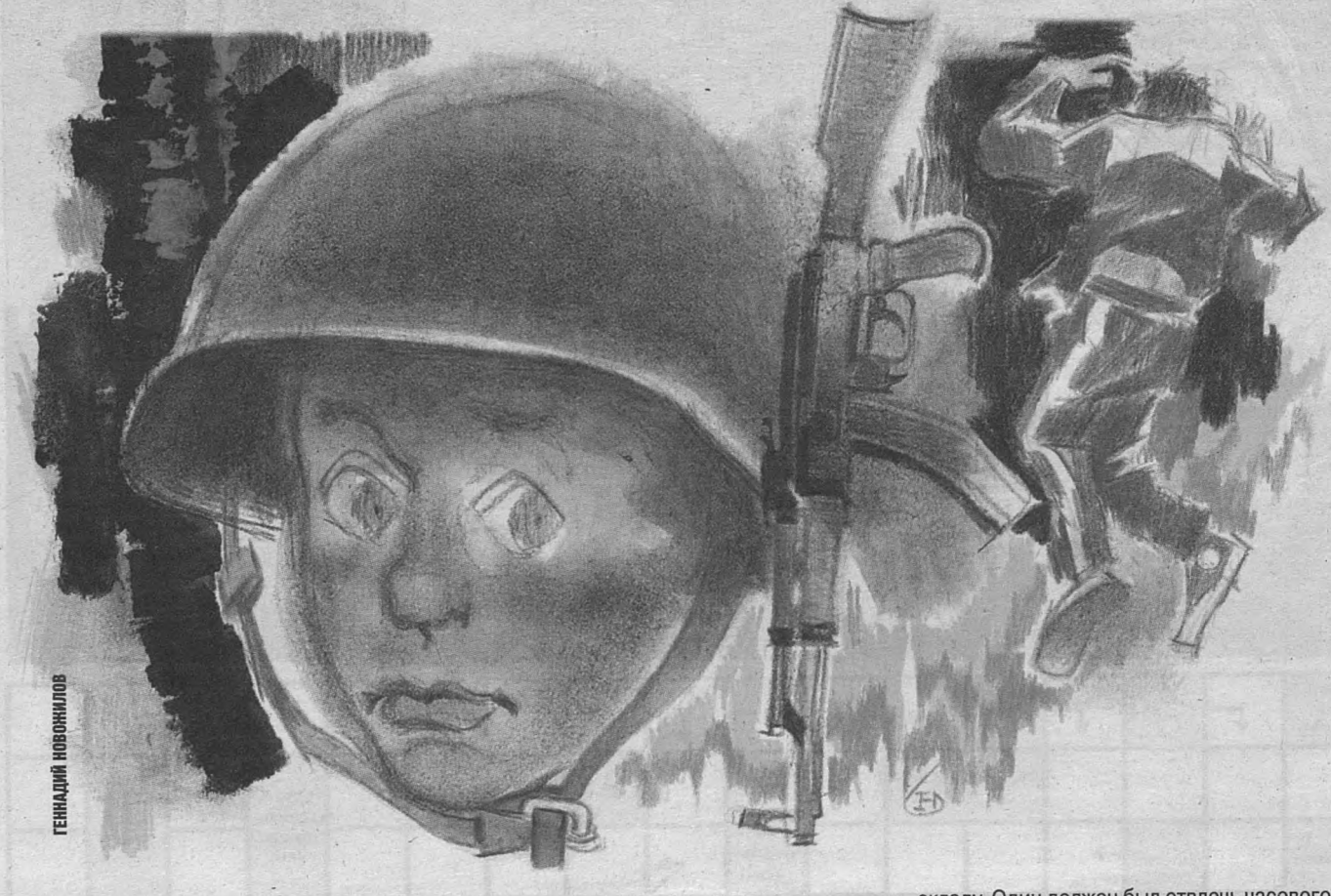
Эх ты, ласточка-касаточка сизокрылая,

Ты родимая сторонка наша милая,

Эх ты, ласточка-касаточка моя,

Сизокры-ыла-ая!

Трах! Бах! Об мостовую отбивает подметки идущая на ужин первая рота!

Злосчастный подвиг – убийство нарушителя устава – был совершен салажонком, но, ставя себя на его место, каждый думал: а как бы я поступил? Нас все время пугали. Бывшая немецкая территория. Двадцать процентов населения нас ненавидит. А тут еще шпионы, которых вылавливают чуть ли не ежедневно...

Сбоку, горделиво топорща усы, идет, пританцовывая, старшина де Голль.

«Много песен можно спеть подряд...» Но нам и этой не хватит, слишком коротко расстояние от столовой до казармы.

На повороте между дорогой и спортплощадкой, под фонарем в парадной форме, весь в орденах, стоит гвардии майор Догадкин.

– Карасев! – кричит он запевале. – Прекратите петь блатные песни!

– Это не блатная, товарищ майор, она в песеннике напечатана.

– Карасев, я вам говорю – это блатная песня.

– Слушаюсь, товарищ майор!

И Карасев, участник художественной самодеятельности, своим сильным голосом (хоть сейчас в ансамбль Александрова) затягивает новую песню:

Над тобою шумят, как знамена,
Годы наших великих побед.

Солнцем славных боев озаренный,
Весь твой путь в наших песнях воспет...

Трах! Бах! И все вместе:
Несокрушимая и легендарная,

В боях познавшая радость побед!
Тебе, любимая, родная армия,

Шлет наша Родина песню-привет!..
Трах! Бах! Тра-та-та-та-та-та!..

Что это? Это автоматная очередь. Кто-то стреляет. Зачем и в кого? Мимо несется командир батальона подполковник Ковалев.

– Старшина, что вы хлебальник раскрыли? Распустите роту немедленно!

Бежит дальше. Когда стрельба, строя быть не должно. Рота – слишком большая мишень.

– Разойдись!

А от склада ОВС (отдел вещевого снабжения) истошный вопль:

– Стой! Застрелю!

Комбату повторять приказание не нужно. Он тут же расплывается на мостовой и кричит лежа:

– Часовой, я подполковник Ковалев!

– Лежать! Застрелю!

– Часовой, я подполковник Ковалев! Что случилось?

– Застрелю!..

За ужином первые слухи: двое неизвестных в гражданской одежде напали на часового. Часовой открыл огонь. Один из нападавших убит наповал, другой ранен и доставлен в санчасть. Легко ранена проходившая мимо официантка из офицерской столовой. Пуля, ударившись в мостовую, рикошетом сорвала кожу на виске. Еще бы миллиметр, и...

Наутро нас собирают в «ленкомнате». Догадкин рассказывает о том, что произошло вчера. Молодой курсант, салага (мы-то второй год служим, старые), стоял на посту. Вдруг с разных сторон появились двое в спортивных костюмах. Курсант крикнул:

– Стой! Кто идет?!

Они не остановились. Курсант еще раз крикнул, но они продолжали идти на него. Курсант дал очередь, один упал. Другой успел сорвать печать, открыть дверь и скрыться на складе. Часовой вошел туда, увидел нарушителя, направил на него автомат и нажал на спусковой крючок. Автомат не выстрелил. Впоследствии выяснилось, что заело затвор. Часовой выхватил штык-нож и замахнулся на нарушителя. Тот остановился. В это время часового услышал за спиной топот чьих-то сапог и, решив, что это новое нападение, закричал не своим голосом:

– Стой! Застрелю!

И пока не пришел в себя, не подпускал ни подполковника Ковалева, ни дежурного по части, ни начальника караула, отвечая на все призывы:

– Не подходи! Застрелю!

«Дурак ты, Бакланов...»

Одним из нападавших оказался сержант, заведующий складом. Сержант собирался в отпуск, надо было сдавать склад, но там была недостача: сержант часть имущества продал полякам и пропил. Он подговорил своего дружка, они опять же выпили, переоделись в спортивные костюмы и пошли к

складу. Один должен был отвлечь часового, другой сорвать печать. Утром, обнаружив сорванную печать, сержант отказался бы подписать акт приема, и вся вина легла бы на караул. Но вышло иначе. Получив два ранения, сержант ночью умер в санчасть. Дружок его сидел на гауптвахте. Ужас происшедшего заключался еще и в том, что сержант ехал домой не просто так, а хоронить сестру. Ее завалили в шахте. Мать дала телеграмму. И вот теперь у нее нет ни дочери, ни сына.

Все это, собрав нас утром в «ленкомнате», рассказал Догадкин. Мы были потрясены. Ефрейтор Бакланов спросил майора, дадут ли теперь часовому отпуск. Догадкин изменился в лице:

– Отпуск? За что?! За убийство?!

– Но ведь он действовал по уставу, – растерялся Бакланов. – Говорят, в таких случаях полагается отпуск...

Да, так нам говорили. Если убьешь, стоя на посту, кого-то, кто не подчинился твоей команде, получишь десять дней отпуска плюс время на дорогу. У каждого из нас была возможность отличиться таким образом, когда мы стояли в карауле, а самовольщики шныряли туда-сюда. Что ж, мы в них стрелять, что ли, будем? Заметишь крадущуюся фигуру, спросишь негромко: «Кто идет?» – ответят: «Свои». Подпустишь поближе, взглядишься – действительно свой. Ну и иди куда идешь... Но на втором году нашей службы пришло пополнение, то ли из Ижевска, то ли из Саранска. Те своих не признавали, и по ночам то там, то здесь раздавались автоматные очереди, правда, до сих пор мимо цели, но когда в караул заступали салаги, на ночные вылазки мало кто решался. И теперь этот злосчастный подвиг был совершен салажонком, но, ставя себя на его место, каждый думал: а как бы я поступил? Нас все время пугали. Бывшая немецкая территория. Двадцать процентов населения нас ненавидит. А тут еще шпионы, которых особый отдел вылавливает чуть ли не ежедневно...

– Товарищ майор, на него же напали, – попытался Бакланов. – Что ему было делать?

– Что угодно, – сказал Догадкин. – Стрелять в воздух. Кричать. Отбиваться прикладом. Тут же все рядом, сразу бы подбежали.

– Но ведь по уставу... – настаивал ефрейтор.

– Дурак ты, Бакланов! – Догадкин вздохнул и покачал головой. – Какой там устав, когда мать осталась сразу без двоих детей.

Продолжение следует

Войнович
19.08.05